

УДК 316.347:316.346.32-053.6:316.647.5(571.16)

**(НЕ)ТОЛЕРАНТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
(НА ПРИМЕРЕ ТОМСКА)****Сухушина Елена Валерьевна¹,**
elsukhush@inbox.ru**Абрамова Мария Олеговна¹,**
abra@yandex.ru**Рыкун Артем Юрьевич¹,**
a_rykun@mail.ru¹ Томский государственный университет,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Сухушина Елена Валерьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Томского государственного университета.

Абрамова Мария Олеговна, старший преподаватель кафедры социологии Томского государственного университета.

Рыкун Артем Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, проректор Томского государственного университета.

Актуальность исследования вытекает из глобализации, охватившей современный мир и предполагающей частое столкновение человека с «иным». Толерантность в ситуации, когда межэтнические конфликты становятся преобладающей формой насилия с большой кровопролитностью, выступает механизмом обеспечения нормального функционирования общества. Целью исследования является рассмотрение толерантности и специфики позиции молодежи относительно вопроса межэтнических отношений. Анализируется «Декларация принципов терпимости» как основной документ, фиксирующий требования толерантности. Кратко рассматривается история понятия толерантности, развивавшегося в рамках концепций либерализма. Отдельное внимание уделяется теории Майкла Уолцера, выделявшего пять типов установок, на которых может основываться терпимость, а также концепции мультикультурализма Уилла Кимлика. Приводятся результаты эмпирического исследования, проведенного в городе Томске. Методы: полуструктурированные интервью с молодыми людьми, представляющими как коренное население, так и мигрантов. Результаты исследования демонстрируют, что вопрос межэтнического взаимодействия не относится к числу приоритетных в сознании информантов, а г. Томск воспринимается как толерантный в отношении мигрантов. Полученные данные соотносятся с теорией Майкла Уолцера: у информантов из числа коренного населения наблюдается вторая установка (безразличие к наблюдаемым различиям) и третья (признание, что другие имеют те же самые права). В то же время исследование показывает разрыв между открыто заявляемой «политкорректной» точкой зрения и полным спектром переживаний, связанных с представителями других национальностей, которые не всегда носят положительный характер.

Ключевые слова: Толерантность, межэтнические отношения, молодежь, миграция, мультикультурализм.

Современное общество общепринято описывать как глобальное, где высока плотность и частота взаимодействия представителей самых различных групп, в том числе национальных, отличающихся друг от друга ценностями, нормами, ритуалами и

повседневными практиками. Сегодня почти нельзя обнаружить государства, гомогенные по этническому принципу.

Как свидетельствует история, острота межэтнических конфликтов нередко достигает уровня, когда напряженность перерастает в открытые вооруженные столкновения. Начиная со второй половины XX века именно межэтнические конфликты становятся преобладающей формой насилия с большей кровопролитностью, чем войны между государствами. Для вооруженных столкновений на этнической почве свойственен затяжной характер, а также трудности урегулирования посредничеством [1]. В современном мире данные проблемы редко остаются исключительно локальными, часто выходя за границы отдельных этносов и государств и угрожая возможностью приобрести глобальный характер. В такой ситуации конструктивные отношения между представителями различных этносов становятся принципиальным условием для нормального функционирования и развития общества.

Понятие толерантности

При описании механизмов, которые обеспечили бы решение конфликтов и снижение напряженности в межэтническом пространстве, обычно обращаются к понятию толерантности. В 1995 году резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО был принят документ «Declaration of principles on tolerance» [2]. На русский язык название документа переведено как «Декларация принципов терпимости». Здесь речь идет не только о сфере межэтнических отношений, но и в целом об отношении к многообразию культур, форм самовыражения и проявлений человеческой индивидуальности. Подчеркивается, что терпимость предполагает активное отношение на основе признания универсальных прав и свобод человека, но не означает отказа от собственных убеждений или уступки чужим. А сама толерантность противопоставляется таким актам, как нетерпимость, насилие, терроризм, ксенофобия, агрессивный национализм, расизм, антисемитизм, дискриминация и т. д. Терпимость должна соблюдаться как на государственном уровне (прежде всего в формате справедливого законодательства, соблюдения правопорядка и судебных и административных норм, отсутствии дискриминации), так в социальных отношениях между отдельными людьми и группами [3].

Одновременно на толерантность обрушивается шквал критики. При этом речь идет не только о сложности и многогранности самого понятия, что касается относительно значительного числа терминов в рамках социогуманитарных наук (в т. ч. «культура», «политика», «общество», «свобода» и др.). Большинство современных исследователей утверждают фундаментальную противоречивость толерантности, а иногда одновременно объявляют и невозможным, и необходимым явлением [4].

Сегодня слово «толерантность» используется очень широко как в науке, политике, так и повседневной жизни. У самого слова «толерантность» латинские корни: оно происходит от слова «tolerantia», означающее пассивное терпение, добровольное перенесение страданий [5]. Не рассматривая подробно историю развития теории, отметим, что осмысление, теоретическое обоснование и развитие понятие толерантности получило в рамках либерализма. Собственно терпимость является одним из конституирующих принципов либеральных концепций. Разработку понятия связывают с такими фигурами, как Джон Локк и Джон Стюарт Милль. Если у Дж. Локка изначально толерантность выступает в качестве прагматической установки, позволяющей сохранять гражданский мир в условиях многообразия интересов и убеждений, как целесообразность в действиях государства и отдельных субъектов политического процесса, то после, у Дж.С. Милля, толерантность, объединяя остальные ценности либерализма, а именно свободу, равенство и многообразие, становится условием их реализации [6].

Толерантность прямо и неотъемлемо связана с концепцией прав человека, которая также развивается и трансформируется в либеральных теориях. Не существует либеральных концепций, которые бы отрицали значимость прав человека, при том, что либерализм не единое течение, в его рамках находится значительное число направлений: политическое, экономическое, культурное, социальное, международное [7]. Права человека эволюционируют из традиции, которая далека от отрицания альтернативных ценностей и подчеркивает презумпцию плюрализма. Либеральные ценности, которые отражаются в международных документах в области прав человека, доказывают первостепенную важность толерантности и автономии, в том числе утверждают приемлемость и терпимость к разнообразию культурных традиций и ценностей в современном обществе [8].

Один из современных американских теоретиков Майкл Уолцер рассматривает толерантность как социально значимую характеристику. Подчеркивая, что плюрализм – социальный факт, М. Уолцер говорит, что, с одной стороны, терпимость дает возможность существовать различиям, а с другой – различия приводят к необходимости терпимости. Автор описывает пять типов установок, на которых может основываться терпимость. Первая – это отстраненно-смирненное отношение к различиям ради сохранения мира. Она уходит корнями в XVI–XVII века. История человечества – это история войн, где люди продолжают убивать друг друга, но затем непременно наступит стадия изнеможения. Именно эту стадию и можно считать первой установкой терпимости. Вторая установка – это позиция пассивности, расслабленности, милостивого безразличия к различиям. Относительно нее автор приводит известное выражение: «Пусть расцветают все цветы». Третья заключается в стоическом признании, что и «другие», не похожие на меня, обладают такими же правами, несмотря на то, что их способ пользования этими правами может вызывать неприязнь. Подчеркивая, что нельзя недооценивать энтузиазм, свойственный некоторым сторонникам терпимости, Уолцер выделяет еще две возможности толерантности. Это открытость в отношении к другим и даже уважение, готовность прислушиваться и учиться. И, наконец, последняя – это восторженное одобрение различий как многообразия творений Божьих либо природы; или же это функциональное одобрение, когда различия рассматриваются как неотъемлемое условие расцвета человечества. Установки соответствуют следующим чувствам: чувство отстраненности, безразличия, стоического приятия, любопытства или восторженности [9]. Данные пять типов установок можно назвать уровнями развития или глубины толерантности. Сам М. Уолцер на их основе описывает пять видов «толерантного режима»: многонациональная империя, международное сообщество, консоциативное устройство, национальное государство, иммигрантское общество.

Признание того, что современное общество наполнено многообразием и плюрализмом приводит нас к иному либеральному направлению – мультикультурализму. В самом общем понимании политика мультикультурализма предполагает интеграцию различных групп (расовых, этнических, религиозных) в единое сообщество при сохранении, принятии и поддержке на официальном уровне их культурной самобытности. Можно выделить ряд положений концепции. Первое – основывается на идее о том, что люди «прикреплены» к своей культуре и строят свои жизни и социальные отношения «исходя из культурно производной системы значения и смысла». Второе – представления о социальной реальности, в т. ч. «хорошей жизни», не идентичны в рамках разных культур. При этом знакомство с другими культурами обогащает человека, его жизнь может стать более многообразной. Третье положение описывает духовную неоднородность каждой культуры: диалог культур требует готовности открыться влиянию со сто-

роны каждой культуры. Данные положения демонстрируют, что человек конструирует свою линию поведения, исходя из этнической идентичности, и для понимания той среды, в которой живет человек, ему необходимо расширить рамки своей культуры и впустить другую, что, в свою очередь, является фундаментом для мультикультурализма и толерантности [10].

Исходным пунктом мультикультурализма полагается требование преодоления человеком границ своей идентичности и признание ценности других культур. Американский социолог Натан Глейзер под мультикультурализмом понимает различные процессы, в ходе которых раскрываются многие культуры в противовес единой национальной культуре. Н. Глейзер изучал причины радикальных изменений, которые принесла мультикультурная политика в либеральное общество, и выявил, что практика мультикультурализма наиболее явно нашла свое отражение на процессе получения образования в США [11].

Одна из наиболее глубоких теоретических разработок мультикультурализма принадлежит канадскому политическому философу Уиллу Кимлику, который видит прямую неразрывную связь толерантности и либерализма, что прослеживается как концептуально, так и исторически. Он подчеркивает, что к началу 90-х годов стало ясно, что западные демократии не решили и не преодолели трения, вызванные этнокультурным многообразием. В результате в 90-х наблюдается повышенный интерес исследователей к данной теме. Автор сосредотачивается на теме меньшинств, рассматривая проблемы ценности их прав и статуса. Произошли исторические изменения в обществе: ранее отличия прятались, маргинализировались или ассимилировались, сегодня – различия подчеркиваются и требуют принятия. Меньшинства, в том числе иммигрантские группы, не хотят полной ассимиляции, а настаивают на сохранении своей идентичности, поднимают не тему получения общих социальных прав, а прав дифференцированных. При этом признание различий не мешает национальному строительству, а напротив – мультикультурализм укрепляет солидарность, политическую стабильность, убирая барьеры, которые мешают меньшинствам стать полноценными гражданами. [12].

Одновременно нельзя не отметить, расширяющиеся ряды сторонников позиции, говорящей о кризисе мультикультурализма. В первую очередь в политическом дискурсе и средствах массовой информации, начиная с 1990-х годов, раздается критика мультикультурализма, вплоть до утверждения о «смерти мультикультурализма». В частности о ней заявляли такие политики, как Николя Саркози, Дэвид Кэмерон и Ангела Меркель. И хотя не всеми политиками мультикультурализм еще похоронен, но он определенно не в моде. Обнаруживается и критика в академических кругах [13].

Тем не менее Уильям Климика подчеркивает, что ранее, в послевоенный период, социальная справедливость основывалась на идеях национальной солидарности, когда общая национальная идентичность требовалась для обеспечения государства всеобщего благосостояния. Наличие мнения, что рост иммиграции и политика мультикультурализма, которую она часто порождает, ослабляют это чувство национальной солидарности, задает потенциальную «прогрессивную дилемму», заставляя выбирать между солидарностью и разнообразием. Однако, утверждая важность национальной солидарности как прогрессивного политического ресурса, У. Климика настаивает, что существуют возможности его примирения с поддержкой иммиграции и мультикультурализма [14].

При этом критика мультикультурализма не означает провозглашения и/или разрешения на всеобщую нетолерантность к «иным» как в установках, так и в поведении. Скорее речь идет о формулировании новых правил и требований как для государства,

так и отдельных людей, как для большинства, так и для меньшинств, в том числе этническом разрезе.

Также, безусловно, нельзя не согласиться с наличием парадоксов толерантности. К примеру, Славой Жижек, опираясь на понятия «антиномий чистого разума» Иммануила Канта (когда человеческий разум неизбежно приходит к противоречию с самим собой по причине возможности обоснования одновременно как доводов «за», так и «против») и «эвтаназии чистого разума», утверждает наличие антиномий толерантного разума. Он вспоминает события 2005 года, опубликование карикатур на Мухаммеда в датских СМИ и выступления мусульман против этих карикатур. Здесь происходит столкновение ценностей свободы печати и свободы слова как базовых для либерального общества и требования толерантности – уважения других культур и свободы вероисповедания, в данном случае мусульманского, в рамках которой подобные изображения недопустимы [15]. И опять же наличие признания парадоксов не означает автоматического отказа от толерантности.

Толерантность не является биосоциальной или генетической характеристикой человека, так же, как не является и вневременной категорией. Данное качество носит приобретаемый характер, являясь коллективной (и индивидуальной) реакцией в условиях существования сложных обществ [16]. Человека невозможно заставить быть толерантным, миролюбивым. Очевидно, что эксперимент по насильственному внедрению терпимости обречен на провал, что актуализирует вопрос о том, как сформировать эту установку [17].

Для понимания, что представляет собой толерантность важно понимать, какие существуют формы и проявления ее противоположности – интолерантности. Толерантность противостоит таким явлениям, как ксенофобия, расизм, нетерпимость и пр., и в этом смысле является важнейшим условием нахождения компромиссов, преодоления конфликтов, в том числе и межэтнических в условиях увеличения миграционных потоков. Далеко не всегда интолерантность проявляется явно в открытых формах. Так, расизм может принимать различные символические формы. Например, он может выражаться в отрицании для мигрантов политических и социальных прав, которые имеются у коренного населения. Или включать утверждение, что мигранты и их поведение составляют угрозу местной культуре, а также недовольство, что мигранты получают якобы больше прав, чем того заслуживают и чем обладает местное население [18].

Сегодня социальные ожидания направлены, скорее, на то, чтобы проявлять толерантность, чем наоборот. Более того, отдельные формы нетерпимости наказывают в соответствии с законодательством в большинстве стран. «Поэтому нередко, рассуждая вслух о своей толерантности, люди в глубине души могут в полной мере сохранять свои предубеждения» [18, с. 29]. В этой связи особый интерес представляют выявление «истинных» мыслей и идей относительно «иных», в т. ч. других национальностей, этносов.

Результаты исследования

Эмпирическую базу практического исследования составили 15 интервью. Объектом исследования выступили студенты вузов г. Томска – из семей коренных жителей (7 человек) и из семей мигрантов (8 человек). Метод исследования – полуструктурированные интервью с элементами биографических историй. Для каждой целевой группы использовался специальный гайд интервью.

Оценка межэтнической ситуации в Томске

Первая задача исследования – определить общее восприятие г. Томска и роль межэтнического вопроса в перечне его наиболее актуальных проблем.

В результате анализа можно выделить несколько аспектов общего восприятия. Во-первых, важной особенностью г. Томска является то, что он признается городом молодежным, городом студенческим. Причем отмечается не только факт наличия университетов, но и признается, что томские университеты обладают хорошим репутационным потенциалом за рубежом.

«... Томск у нас известен как самый студенческий город – город университетов, и поэтому естественно выбор – это Москва, Питер, Казань, может быть, и Томск. Четыре для меня топовых города, где очень хорошее, качественное обучение» (студент, коренной житель, ответ на вопрос «почему иностранные студенты именно Томск выбирают?»).

Во-вторых, вопрос о межэтнической ситуации не относится к числу приоритетных в г. Томске: когда информанты говорили о проблемах, чаще появлялись темы дорожного строительства и инфраструктуры. Это подтвердило данные количественного исследования, согласно которому приоритетными проблемами являются дорожные, а вопрос межнациональных отношений не попадает в первую десятку наиболее актуальных проблем. Причем в интервью дорожные проблемы и проблемы инфраструктуры выделяются как общие для городов РФ, а не специфические для г. Томска.

«Что касается дорог или работы САХ, то в каждом городе можно столкнуться с трудностями в этой сфере. Нет определенных моментов, которые можно только к Томску отнести или, может быть, я не встречала их» (студент, коренной житель).

Необходимо отметить различие в восприятии г. Томска у студентов – томичей и студентов из семей мигрантов. Томичи демонстрируют скорее нейтральное отношение к городу и говорят о сложности оценки своего отношения к городу.

Наш город – студенческий, молодежный город, и в возрасте 23 лет для меня откроются большие перспективы в учебе, исследованиях. ... Томск – это город продвинутый, у нас говорящие светофоры, у нас нет кнопочных светофоров, у нас оснащение гораздо лучше, у нас есть двухполосные и трёхполосные дороги, ну опять же, если говорить о каких-то технологиях, то фильмы выходят быстрее ...» (студент из семьи мигрантов).

«Очень хороший город, маленький, без проблем. Это не какой-нибудь мегаполис, где постоянно пробки и какие-то действительно массовые проблемы, как Москве или Петербургу, – постоянно какие-то террористические акты, этого я боюсь вообще. Большие города, суматоха. Здесь работаю, училась в университете, даже в садик ходила здесь, то есть вся жизнь прошла здесь. Думаю, этот город у меня навсегда останется частичкой в моей душе, даже несмотря на то, что в будущем я, допустим, уеду в Баку навсегда. В любом случае я мысленно всегда буду здесь, в этом городе» (студент из семьи мигрантов).

Хотя и у Томска есть определенные недостатки, но они не связаны с межэтнической ситуацией, а связаны с объективными условиями – погодными условиями и удаленностью.

«...но по окончании своего обучения, то есть через два месяца, я планирую уехать отсюда... [Ростов или Таганрог]. Уехать по одной простой причине – я уже устала от этих климатических условий, от этого холода, ... и опять же, я из Ростова с Таганрогом до Армении могу долететь на самолете за 40 минут, или на машине – это 12 часов [и это будет быстро и недорого]. А если лететь из Томска, то билет на самолет будет стоить от 8 до 12 тысяч рублей (опять же в зависимости с багажом или без), если на машине, то трое-четверо суток, а это бензин, дорога и так далее [дольше и дороже]» (студент из семьи мигрантов).

Обеими группами г. Томск признается городом, активно принимающим представителей различных национальностей. Информанты выделяют для этого две основные причины: во-первых, активная международная деятельность вузов и, во-вторых, развитие и благоустройство самого города, которое требует дешевой рабочей силы, что вызывает приток иностранцев прежде всего из ближнего зарубежья – стран Средней Азии и не только. В качестве наиболее популярного «поставщика» мигрантов из дальнего зарубежья называют страны Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, прежде всего Китай. Выделяется два вуза, ведущих наиболее активную международную деятельность – НИ ТГУ и НИ ТПУ. Эти данные подтверждают количественное исследование, проведенное в 2017 году [19].

«Вообще на факультете у нас много наблюдается иностранцев, по-моему, даже у нас почти целая группа из Кореи, полноценная, и они обучаются отдельно от всех... у них... какое-то у них там отдельное расписание, увеличено количество русского языка... и так далее» (студент, коренной житель).

Причина популярности г. Томска у студентов из других стран связана как с популярностью томских вузов во внешней среде, так и с невысоким качеством образования в местах их постоянного проживания – других странах, других городах РФ. По мнению информантов, отдельным значимым фактором выбора г. Томска в качестве места для обучения является то, что здесь уже учится достаточно много иностранцев.

Интересно отметить, что студенты из числа томичей не всегда понимают причины популярности их вуза – не имея другого опыта, они воспринимают существующие условия и возможности как данность.

«А те они такие: «Ура, мы в ТУСУРе учимся!». Я им говорю: «Вы что радуетесь-то...?». Они такие: «Мы в ТУСУРе, мы выбрались из этой дыры казахской» (студент, коренной житель).

«Они, наверное, могли выбрать Томск, потому что здесь уже есть определенная база для иностранных студентов. То есть если сравнить Томск с другим городом, в котором гипотетически есть университет, в который он мог бы поступить, но где очень мало иностранцев, куда едет мало его соотечественников или там мало других иностранцев, – скорее всего, он выберет Томск, потому что здесь более устоявшееся отношение уже, более сформированные процедуры приема и прочее. Это просто удобнее, легче адаптироваться: есть соотечественники, есть люди, которые хотя бы на том же языке говорят, и прочее» (студент, коренной житель).

Оценивая межэтническую ситуацию в городе, студенты из семей коренных жителей описывают ее скорее позитивно, указывая на следующие моменты: во-первых, Томск воспринимается как гостеприимный по отношению к приезжим город, во-вторых, указывается на то, что если и происходят конфликты между представителями разных национальностей, то в их основе лежит не межнациональная неприязнь, а бытовые вопросы и особенности культуры, связанные не с национальностью, а с воспитанием, и, в-третьих, некоторые респонденты отмечали особую роль СМИ – они предполагают, что СМИ либо замалчивают подобные конфликты, либо наоборот позиционируют бытовые конфликты как межэтнические для привлечения внимания к источнику информации.

«Допустим, она [межэтническая ситуация], наверное, лучше, чем в Москве, мне кажется. Да, потому что, ну, может быть, еще где-то на приграничных территориях... потому что здесь иностранцев не так много, особенно трудовых мигрантов, то есть... Чем их меньше, тем меньше местных людей, которые начинают нагнетать обстановку. То есть тем меньше иностранцев, даже если иностранцев много и они не

меняют обстановку объективно, есть люди, которые начинают бить тревогу и прочее по поводу того, что «понаехали» и так далее» (студент, коренной житель).

«Я не могу сказать просто про другие университеты. В то же время я не слишком часто слышал плохие вещи про другие университеты. Про нашу ситуацию: за период моего обучения, ничего не было, прям вообще, от слова “совсем”» (студент, коренной житель).

Студенты из семей мигрантов демонстрируют разные взгляды по поводу межэтнической ситуации в г. Томске: с одной стороны, в сравнении с другими городами г. Томск оценивается в плане межэтнических отношений более позитивно. Во многом это связано с тем, что это город университетский и привлекающий большое количество иностранных студентов.

«Здесь в Томске отлично, да. В Томске такого никогда не было вроде как, но я не слышал. Конфликтов тут никогда не было, ну, может, были, но я не слышал. Именно массово, чтобы там армяне и азербайджанцы начали резать, в Москве, в Новосибирске было, а в Томске я не слышал» (студент из семьи мигрантов).

«Нету такого, нормально общаемся, и такого, слава богу, не было и не будет, надеюсь, в дальнейшем. Другие города, все равно вот слышим о каких-то стычках, у нас в городе нету такого, наша молодежь в этом плане более разумна. Вот. То есть все нации, вот и грузины друзья есть, и татары есть все вот. Общаемся» (студент из семьи мигрантов).

Но, с другой стороны, отмечаются случаи неприязненного отношения на национальной почве – отдельные респонденты с этим сталкивались.

«У нас очень много приезжих, у нас очень много иностранцев, как вы заметили: японцы китайцы, тувинцы, алтайцы. Дело в том, что не все преподаватели, не все студенты относятся к ним хорошо, относятся к ним с пониманием. Некоторые считают: “Вали в свою страну, в свою республику, там и учись, какого черта ты сюда приехал!”» (студент из семьи мигрантов).

Отношение к представителям других национальностей

Восприятие представителей других национальностей связано у студентов из семей коренного населения с разделением на следующие группы: видимые и невидимые мигранты, представители ближнего и дальнего зарубежья, рабочие и образовательные мигранты, смешивается национальность и страна проживания, например казахи и казахстанцы, в отдельную особую группу «других» выделяются представители меньшинств, исторически проживающие на территории РФ, например тувинцы и буряты.

«Ну, хотя тувинцы, они же не мигранты, но все равно, они зачастую воспринимаются как мигранты, потому что внешность отличает их, хотя, вроде как, из региона России» (студент из семьи мигрантов).

Восприятие представителей других национальностей у студентов из семей мигрантов несколько иное – они также различают мигрантов на видимых и невидимых, образовательных и рабочих, из ближнего и дальнего зарубежья и т. д., но в первую очередь они разделяют окружающих на представителей своей национальности и всех остальных.

Всеми информантами (и из семей мигрантов, и из семей коренного населения) активно (с эмоциональным нажимом и неоднократно) сообщалось, что отношение к представителям других национальностей лично у них, в их среде и в целом в городе, «нормальное», «толерантное» и «адекватное». Говорилось об отсутствии в их сознании такого фактора восприятия другого человека, как его цвет кожи, раса и националь-

ность, подчеркивалось, что человека необходимо оценивать только по его поведению, что «плохие» люди могут быть среди представителей любой национальности. Каждый из информантов подчеркивал это неоднократно.

Об отношении к студентам-мигрантам: *«Нормально, я с ними всеми хорошо дружу. (Уточняет) Они все мои братья, получается. Я их всех так называю, не знаю, может быть, звучит как-то по-кавказски, но они реально все, как братья мне» (студент, коренной житель).*

Ответ на вопрос «Какое отношение у тебя в целом, к представителям других национальностей студентам?»: *«Такое же, как и к остальным студентам – не представителям других национальностей» (студент, коренной житель).*

«В принципе я отношусь к ним положительно, потому что один из моих друзей – товарищ из ближнего зарубежья, из Таджикистана, то есть, очень тесно с ним общаемся. Также непосредственно в очень узком кругу общения тоже есть люди из зарубежных стран, с которыми я общаюсь, в принципе в общении происходит всё очень хорошо, без каких-либо инсинуаций и недопонимания. Ну, бывают, конечно, моменты, но это такие, житейские» (студент, коренной житель).

«В целом, для себя, ну я не знаю, как бы все люди одинаковые независимо от цвета кожи, от расы, то есть все зависит от того, как ты будешь выстраивать взаимоотношения с этим человеком» (студент, коренной житель).

«Зависит все от человека, неважно, какой ты национальности. Если он не очень или ведет себя неправильно, то просто поведение такое (не воспитали), как бы ну естественно, ты будешь к нему плохо относиться, недолюбливать, а если он себя нормально проявил, то хоть китаец, хоть казахстанец – все то же самое (студент, коренной житель). «Абсолютно толерантно, ко всем. Главное, чтобы приезжали в наш город, университет, страну и вели себя должным образом, чтобы никаких ущемлений прав с их стороны не было, и соответственно с нашей тоже, то есть русских людей» (студент, коренной житель).

Необходимо отметить, что эти данные подтверждаются и количественными исследованиями, проводимыми на территории РФ. [20]

Указывается, что стереотипное обыгрывание межэтнических конфликтов становится предметом шуток.

«... какие-то типа, знаешь, «Понаехали», они такие, знаешь: «О местных-то сколько развелось». Я одна такая из Томска (смеется). Такие шутки есть, но никто на них не обижается, вначале все просто очень тихие были, а сейчас все друг друга знают, могут подколоть, ну как бы знают, кто обидится, а кто нет, знают, с кем как разговаривать» (студент, коренной житель).

В то же время почти во всех интервью студентов из семей коренного населения присутствовали высказывания, демонстрирующие открытое признание того, что не всегда в реальности получается оценивать человека вне его национальности или высказывания, демонстрирующие своим контекстом пусть не агрессивное, но пренебрежительное отношение к представителям другой национальности.

«Вот был вопрос, что ограничить ли им въезд: вот если они ведут себя, как свиньи, вот эти вот хачики из Армении, вообще себя не могут вести – вот таким можно ограничить [въезд]... Вот я тоже, знаешь, подумала, ... с русским я, конечно, скажу, что он свинья невоспитанная, а кавказцу я все равно прибавлю «свинья, которая понаехала»... может быть, у меня это от мамы передалось, что если какие-то люди из другой страны едут, я все равно говорю «понаехали»... Не знаю, может быть, это реально воспитанием заложено. Маме что ни расскажи, она тоже будет так ре-

агировать, а так я нормально к ним отношусь, но я почему-то все равно смогу это сказать, я могу себе позволить это сказать, не знаю почему» (студент, коренной житель).

«Знаешь, есть такое прекрасное выражение: “Я бы выучил немецкий язык только из-за того, что на нём разговаривал Гитлер”» (студент, коренной житель).

«Иногда, конечно, когда ты не можешь протолкнуться в политехе через толпу азиатов, ты думаешь: “Господи, почему Вы ходите все вместе вот такой вот кучей”» (студент, коренной житель).

Некоторые информанты использовали такие обозначения для представителей других национальностей, как «азиаты», «буряты всякие», «хачики разные». Это тесно связано с наблюдением, согласно которому «складывается парадоксальная ситуация: ксенофобов и националистов среди россиян практически нет, но ксенофобия и национализм как общественные настроения широко распространены и порой становятся источниками конфликтов на этнической почве» [22, с. 109].

В некоторых случаях респонденты, когда их спрашивали об их отношении к мигрантам, начинали говорить дистанцированно – от третьего лица и в модусе долженствования. Общая мысль подобных высказываний заключалась в том, что коренное население должно относиться к мигрантам положительно или нейтрально, но у многих «других» людей (не информантов) присутствуют стереотипные представления в отношении них.

«Люди думают: «О, таджик, все капец, это грязь, наркотики, наркоманы, все дела». И начинают: «Вот, че понаехали?». Люди просто знают, что в обществе ходят разговоры, что «все грязные неумытые, свои там молитесь, не молитесь там. Может, он вообще террорист там – если он мусульманин с бородой. Может, ты террорист». И поэтому смотрят с негативной окраской. Это я так считаю, мне лично вообще все равно, кто он, главное, чтобы человек был нормальный» (студент, коренной житель).

Нужно отметить, что когда речь заходила об отношении информантов к мигрантам, речь информантов становилась более напряженной, возникало ощущение включения более жесткой редакции речевого потока – информанты начинали сами себя поправлять и уточнять сказанное. Иногда приходилось несколько раз уточнять вопрос, чтобы услышать мнение самого респондента.

«Ну, сейчас очень много ходят чернокожих студентов... ой, афроамериканцев...» (студент, коренной житель).

Ответ на вопрос о причинах отрицательного отношения к мигрантам:

«– Ну, кто-то мог бы сказать, что растет уровень преступности, что эти люди ...»

Интервьюер – А что бы ты сказал?

Информант – (смеется) Я не знаю, я тоже, мне не хочется с этим соглашаться, потому что я не знаком с этой ситуацией. Можно встать на сторону людей, которые любят слухи в эту сторону и поводу или что-то еще.

Интервьюер – А если говорить от тебя, что ты сам думаешь, что отрицательного для Томска может быть?

Информант – Ну, может быть, в этом есть доля правды, что на уровень преступности это влияет» (студент, коренной житель).

Подобная эклектичность отношения и восприятия отмечалась и ранее в исследованиях на близкую тематику [21].

Соотнося полученные данные с теорией М. Уолцера, можно отметить, что у информантов из числа коренного населения наблюдается вторая и третья установки (безразличие к наблюдаемым различиям и признание, что другие имеют те же самые права).

«Ну, им все помогают, никто не обижает, я не думаю, что у нас кто-то в группе может сказать про них что-то плохое. Именно вот эти трое... они сдавали экзамен по русскому языку и могут с нами обучаться на уровне. Также с нами ходят татары и так далее» (студент, коренной житель).

Про отношение преподавателей: *«Более-менее снисходительно, они понимают их [студентов-мигрантов] ситуацию всё-таки, поэтому они больше дают им письменного материала, потому что устно [воспринимать им] тяжело...» (студент, коренной житель).*

Про отношение студентов: *«Их там никто не обижает, никто их не обделяет, ничего плохо им не делает, поэтому все чудесно» (студент, коренной житель).*

Данные наблюдения указывают на то, что существует разрыв между открыто заявляемой «политкорректной» точкой зрения, которая отчасти подкрепляется опытом общения и в некоторых случаях дружбой со студентами других национальностей и полным спектром переживаний, связанных с представителями других национальностей, которые не всегда носят положительный характер. Наблюдается неоднозначность установок молодежи, когда за вербально обозначенной толерантностью скрывается интолерантность по отношению к мигрантам.

Данный вопрос требует дальнейшего анализа, возможно с помощью проективных методик или методов психолингвистического анализа текстов, которые позволят более четко верифицировать общий перечень переживаний, связанных с взаимодействием с другими национальностями.

Несмотря на то, что термин «толерантность» очень сложен и неоднозначен, а также имеются значительные трудности его воплощения в практической плоскости, толерантность противостоит таким явлениям, как ксенофобия, расизм и пр., и в это смысле является важнейшим условием нахождения компромиссов, преодоления конфликтов, в том числе и межэтнических, в условиях увеличения миграционных потоков.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 16-13-70005 «Образ мигрантов в восприятии и оценке учащейся молодежи г. Томска».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Политические, этнические и межконфессиональные конфликты в современном мире / Н.И. Пупыкин, С.В. Мурашева, И.В. Баранова, Е.А. Антохина. – Орел: Изд-во ОГУ, 2015. – 211 с.
2. Declaration of Principles on Tolerance // UNESCO official site. URL: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13175&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html (дата обращения: 20.01.2018).
3. Декларация принципов терпимости. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 20.01.2018).
4. Хомяков М.Б. Толерантность и ее границы // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 2 (6). – С. 25–33.
5. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 4 / гл. ред. В.С. Стёпин. – М.: Мысль, 2010. – 734 с.
6. Капустин Б.Г. Либеральное сознание в России // Общественные науки и современность. – 1994. – № 4. – С. 32–41.
7. Абрамова М.О. Трансформация понятия прав человека в либеральных концепциях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2015. – № 2 (30). – С. 75–82.

8. Sloane R.D. Outrelativizing relativism: A liberal defense of the universality of international human rights // *Vanderbilt Journal of Transnational Law*. – 2001. – V. 34. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=943410## (дата обращения: 20.01.2018).
9. Уолцер М. О терпимости. – М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2000. – 160 с.
10. Бабич И.Л., Родионова О.В. Теория и практика мультикультурализма // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. – М.: ИЭА РАН, 2009. – Вып. 215. – 49 с.
11. Glazer N. *We are Multiculturalists Now*. – 1998. – 196 p. URL: <http://www.hup.harvard.edu/catalog.php?isbn=9780674948365&content=reviews> (дата обращения: 20.01.2018).
12. Кимлика У. Современная политическая философия / пер. с англ. С. Моисеева. – М.: ИД ВШЭ, 2010. – 592 с.
13. Jansen Y. *Secularism, Assimilation and the Crisis of Multiculturalism*. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2013. – 344 с.
14. Kymlicka W. Solidarity in diverse societies: beyond neoliberal multiculturalism and welfare chauvinism // *Comparative Migration Studies*. – 2015. – V. 3. – № 1. – С. 3–19.
15. Жижек С. О насилии. – М.: Европа, 2010. – 184 с.
16. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
17. Глебкин В.В. Толерантность и проблема понимания: толерантное сознание как атрибут homo intellegens // *На пути к толерантному сознанию* / отв. ред. А.Г. Асмолов. – М.: Смысл, 2000. – С. 8–10.
18. Шнирельман В.А. «Порог толерантности»: идеология и практика нового расизма. Т. 1. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 549 с.
19. Рыкун А.Ю., Абрамова М.О., Сухушина Е.В. Отношение молодежи г. Томска к трудовым и образовательным мигрантам // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. – 2017. – № 37. – С. 171–183.
20. Труфанов Д.О., Феньвеш Т.А. Этнический фактор в городском населении Красноярского края: некоторые результаты социологических исследований за 2009–2012 гг. // *Современные проблемы науки и образования*. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12415> (дата обращения: 20.01.2018).
21. Львов С.В. Студенты, этнический экстремизм и ксенофобия: от диагностики к мерам преодоления // *Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены*. – 2009. – № 6 (94). – С. 183–193.
22. Мартынов М.Ю., Пуртова В.С. Редистрибутивная модель социального поведения и межэтническая конфликтность // *Социс*. – 2017. – № 9. – С. 108–113.

Поступила 23.01.2018 г.

UDC 316.347:316.346.32-053.6:316.647.5(571.16)

(IN)TOLERANCE OF YOUTH IN ETHIC RELATION (TOMSK REGION)**Elena V. Sukhushina¹,**
elsukhush@inbox.ru**Maria O. Abramova¹,**
abra@yandex.ru**Artyom Yu. Rykun¹,**
a_rykun@mail.ru¹Tomsk State University,
36, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia.**Elena V. Sukhushina**, Cand. Sc., associate professor, Tomsk State University.**Maria O. Abramova**, senior lecturer, Tomsk State University.**Artyom Yu. Rykun**, Dr. Sc., Tomsk State University.

*The relevance of the research follows from globalization encompassing the modern world and supposing frequent encounters with «the different». When inter-ethnic conflicts become the dominating form of highly bloody violence, tolerance serves as a mechanism to provide normal functioning of the society. The declaration of principles on tolerance is being analyzed as the main document recording requirements of tolerance. The article briefly covers history of the term «tolerance» which was developed within concepts of liberalism. Particular attention is given to the theory of Michael Walzer who defined five regimes of tolerance and concepts of multiculturalism by W. Kymlicka. The research shows the results of the empirical research conducted in Tomsk by the method of semi-structured interviews of Tomsk youth and young migrants. **Results** of this research demonstrate that informants do not find inter-ethnic cooperation to be of top priority and regard Tomsk as a city tolerant to migrants. The data obtained matched the theory of Michael Walzer: the native interviewees fell into the second (indifference to the differences being observed) and the third (recognition that the others possess the equal rights) regimes. In the meantime, the research shows that a gap between the openly declared and politically correct point of view and the full spectrum of disturbance related to other nationals which are not always positive.*

Key words: Tolerance, ethnic relation, youth, migration, multiculturalism.

The research was financially supported by the Russian Humanitarian Research Foundation within the project no. 16-13-70005 «Image of migrants in perception and evaluation of students in Tomsk».

REFERENCES

1. Pupykin N.I., Murasheva S.V., Baranova I.V., Antokhina E.A. *Politicheskie, etnicheskie i mezhhkonnessionalnye konflikty v sovremennom mire* [Political, ethnic and religious conflicts in the modern world: a monograph]. Orel, OGU Press, 2015. 211 p.
2. *The Declaration of Principles on Tolerance*. 16 November 1995. UNESCO official site. Available at: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13175&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html (accessed 20 January 2018).
3. *Deklaratsiya printsipov terpimosti* [The Declaration of principles on tolerance]. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (accessed 20 January 2018).

4. Khomyakov M.B. Tolerantnost i ee granitsy [Tolerance and its limits]. *National Psychological Journal*, 2011, no. 2 (6), pp. 25–33.
5. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia]. Ed. by V.S. Stepin. Moscow, Mysl Publ., 2010. Vol. 4, 734 p.
6. Kapustin B.G. Liberalnoe soznanie v Rossii [The Liberal consciousness in Russia]. *Social Sciences and Contemporary World*, 1994, no. 4, pp. 32–41.
7. Abramova M.O. Transformatsiya ponyatiya prav cheloveka v liberalnykh kontseptsiyakh [Transformation of the concept of human rights in liberal concepts]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2015, no. 2 (30), pp. 75–82. In Rus
8. Sloane R.D. Outrelativizing relativism: A liberal defense of the universality of international human rights. *Vanderbilt Journal of Transnational Law*, 2001, vol. 34. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=943410## (accessed 20 January 2018).
9. Uoltser M. *O terpmosti* [On toleration]. Moscow, Idea-Press Publ., Dom intellektualnoy knigi Publ., 2000. 160 p.
10. Babich I.L., Rodionova O.V. Teoriya i praktika multikulturalizma [Theory and practice of multiculturalism]. *Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii* [Research in applied and urgent ethnology]. Moscow, IEA RAN Publ., 2009. Vol. 215, pp. 49.
11. Glazer N. *We are Multiculturalists Now*. 1998. 17 p. Available at: <http://www.hup.harvard.edu/catalog.php?isbn=9780674948365&content=reviews> (accessed 20 January 2018).
12. Kimlika U. *Sovremennaya politicheskaya filosofiya* [Contemporary political philosophy: an introduction]. Moscow, VSHE Publ., 2010. 592 p.
13. Jansen Y. *Secularism, Assimilation and the Crisis of Multiculturalism*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2013. 344 p.
14. Kymlicka W. Solidarity in diverse societies: beyond neoliberal multiculturalism and welfare chauvinism. *Comparative Migration Studies*, 2015, vol. 3, no. 1, pp. 3–19.
15. Zhizhek S. *O nasilii* [About violence]. Moscow, Europe Publ., 2010. 184 p.
16. Tishkov V.A. *Rekvjem po etnosu: issledovaniya po sotsialno-kulturnoy antropologii* [Requiem for ethnos: studies in socio-cultural anthropology]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 544 p.
17. Glebkin V.V. Tolerantnost i problema ponimaniya: tolerantnoe soznanie kak atribut homo intellegens [Tolerance and the problem of understanding: tolerant consciousness as an attribute of homo intellegens]. *Na puti k tolerantnomu soznaniyu* [Tolerance and the problem of understanding: tolerant consciousness as an attribute of homo intellegens]. Ed. by A.G. Asmolov. Moscow, Smysl Publ., 2000. pp. 8–10.
18. Shnirelman V.A. «Porog tolerantnosti»: ideologiya i praktika novogo rasizma [«Threshold of tolerance»: ideology and practice of the new racism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. Vol. 1, 549 p.
19. Rykun A.Yu., Abramova M.O., Sukhushin E.V. Otnoshenie molodezhi g. Tomsk k trudovym i obrazovatelnyim migrantam [The attitude of the youth in the city of Tomsk to labor and educational migrants]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2017, no. 37, pp. 171–183. In Rus.
20. Trufanov D.O., Fenvesh T.A. Etnicheskiy faktor v gorodskom naselenii Krasnoyarskogo kraya: nekotorye rezultaty sociologicheskikh issledovaniy za 2009–2012 gg. [The Ethnic factor in the urban population of the Krasnoyarsk territory: some results of sociological research in 2009-2012]. *Modern problems of science and education*, 2014, no. 2. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12415> (accessed 20 January 2018). In Rus.
21. Lvov S.V. Studenty, etnicheskiiy ekstremizm i ksenofobiya: ot diagnostiki k meram preodoleniya [Students, ethnic extremism and xenophobia: from diagnostics to action overcome]. *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 2009, no. 6 (94), pp. 183–193.
22. Martynov M.Yu., Purtova V.S. Redistributivnaya model sotsialnogo povedeniya i mezhetnicheskaya konfliktnost [Redistributive model of social behavior and inter-ethnic conflict]. *Sotsis*, 2017, no. 9, pp. 108–113. In Rus.

Received: 23 January 2018.